

туальных символов посвящены также статьи А. В. Гурь, А. Ф. Журавлева, О. А. Терновской и других авторов, помещенные в сборниках «Славянский и балканский фольклор». Появились также интересные исследования мифологических аспектов традиционного ткачества¹⁵, ритуального использования хлеба¹⁶.

Хотя в настоящее время можно говорить лишь о предварительных итогах этнолингвистических разысканий, следует отметить, что они уже имеют определенный научный резонанс. Наряду с работами Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова, они содействуют установлению большего взаимопонимания между лингвистами и этнографами, введению общекультурной и этнографической проблематики в собственно лингвистические исследования,

и других сербских зонах.— В кн.: Славянский и балканский фольклор.: Обряд. Текст, с. 44—120.

¹⁵ Владимирская Н. Г. Материалы к описанию полесских народных представлений, связанных с ткачеством: Снование.— В кн.: Полесский этнолингвистический сборник, с. 225—246; Павлова М. Р. Полесские обряды и поверья, связанные с ткачеством.— В кн.: Полесье и этногенез славян, с. 111—113; Трубицына Г. И. Нить и ее обрядовые функции.— Там же, с. 113—114.

¹⁶ Седакова И. А. К описанию лексики и символики новогодней обрядности болгар (рождественские обрядовые хлебы).— Сов. славяноведение, 1984, № 1, с. 89—93; Страхов А. Б. Из истории и географии русского обрядового печенья (поминальные и вознесенские «лестницы»).— В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Язык и этнос, с. 203—208; *его же*. Русское обрядовое печенье «христовы (боговы, божьи) онучи» в связи с функцией обуви в славянских похоронных ритуалах.— В кн.: Этногенез, ранняя этническая история и культура славян. М.: Наука, 1985, с. 77—79.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

И. Р. Григулевич. Пророки «новой истины». М.: Политиздат, 1983, 301 с. (Книга о религиозных новообразованиях на Западе)

В течение ряда лет западная пресса муссировала оценку идеологической ситуации чуть ли не во всем мире как религиозный бум, как оживление и подъем религиозности во всех социальных и возрастных слоях населения, особенно среди молодежи. В рецензируемой книге И. Р. Григулевича приводится большой фактический материал по этому вопросу, дается характеристика действительного положения вещей, правильно и трезво оцениваются масштабы разрекламированного в буржуазной печати бума.

Автор показывает, что на самом деле религия переживает в наше время не подъем, а безысходный кризис, который особенно ярко сказывается в состоянии традиционных догматизированных конфессий и их институтов — церквей и церковных организаций. И как раз одним из выражений этого кризиса является наблюдавшийся в последние десятилетия процесс появления большого количества новообразований — сект и даже новых религиозных конфессий более или менее карликового масштаба¹. Как правило, проповедниками этих новых «религий» и главарями возникающих на их основе общин и «церквей» являются шарлатаны и авантюристы, наживающие на своей «пророческой» деятельности громадные капиталы. Самое существенное заключается здесь в том, что их деятельность пользуется во многих случаях известным успехом в том отношении, что привлекает в их полное идеологическое и житейское подчинение довольно большое количество людей в капиталистических странах, преимущественно молодежь. Главарь новых сект и конфессий подвергают одурманенных людей жестокой экономической и всякой иной эксплуатации, причем обоснованием и оправданием этой эксплуатации является удивительная по своей примитивности и, казалось бы, совершенно неубедительная религиозная демагогия.

Обстоятельно, в живой, местами полубеллетристической форме в книге описаны основные из действующих в США и Западной Европе религиозных новообразований указанного типа. Помимо обобщающих глав теоретического порядка даются разделы, посвященные характеристике отдельных новоявленных конфессий.

¹ Сектами многие из этих религиозных новообразований можно называть лишь условно, поскольку под этим названием обычно подразумевается группа, отколовшаяся от той или иной конфессии; здесь же перед нами в ряде случаев община или совокупность общин, объединяющих бывших приверженцев различных церквей и не происходящих от какой-либо одной из них ни по содержанию верований, ни в организационно-церковном плане.

Наиболее многочисленной из них является гнездящаяся в США «Объединенная Церковь» или «Церковь унификации», возглавляемая выходцем из Южной Кореи Мун Сон Меном. Уже одно ее название свидетельствует о том, что она претендует на значение центра всех церквей и чуть ли не на господство в религиозной жизни всего мира. Конечно, это фантастическая претензия, но нельзя не отметить, что на избранном пути религиозного проповедника и «вождя» Мун сумел добиться до странности больших успехов. При помощи сети бродячих проповедников он завербовал в свою церковь большое число юношей и девушек в США и некоторых других буржуазных странах: их количество исчисляется десятками тысяч (конечно, не миллионами, как утверждает муновская пропаганда). Оказавшиеся во власти Муна и его приспешников, одурманенные люди обязаны либо работать на предприятиях, либо собирать милостыню и все оказавшиеся в их руках деньги отдавать в общину. Пользуясь этой даровой по сути дела рабочей силой, Мун нажил огромные богатства, которые опять-таки использует в целях собственной наживы. Он купил, например, 42-этажный отель за 52 млн. долл., основал и эксплуатирует ряд предприятий, издает газеты и журналы, которые использует не только в пропагандистских, но и в чисто коммерческих целях. Все это становится возможным только потому, что воля и разум молодых людей, попавших в сети религиозной пропаганды мунистов (кстати сказать, на удивление примитивной и по своему смыслу просто вздорной), оказываются сломленными и парализованными.

К сказанному необходимо добавить, что пропаганда мунистов имеет ярко выраженный антикоммунистический характер. Глава церкви постоянно повторяет этот лейтмотив своей пропаганды, изображая коммунизм продуктом деятельности Сатаны, а себя — предводителем всех антисатанинских сил вселенной, причем он не прочь поставить себя в иерархии этих сил даже выше Иисуса Христа.

В некоторой мере рассказанное в книге о «церкви» Муна относится и ко многим другим подобным организациям, о которых довольно подробно говорит автор рецензируемой работы. Они различаются, однако, между собой по своим идеолого-генетическим источникам. «Церковь унификации», выражающая в своем вероучении (если его можно так назвать) причудливую смесь традиционного христианства, пятидесятничества и учения «свидетелей Иеговы», стоит в ряду тех, кто признает в какой-то мере свою связь с христианством. Сюда относятся прежде всего многочисленные порождения так называемой Иисусовой революции, а также возглавляемая неким Давидом Моисеем (его настоящее имя — Давид Брандт Берг) секта «Детей бога». Многие из сект имеют восточное происхождение и прямо говорят о своей близости к индуизму, буддизму и буддо-ламаизму, синтоизму. Одна из них именуется себя «Обществом сознания Кришны», и ее девизом, являющимся заодно основным мотивом богослужения, формулой приветствия при встречах служит возглас «Харе Кришна». Индустское влияние сказывается и в том, что руководители общин во многих случаях именуются «гуру» (на хинди — «учитель»). Среди сект буддистского характера особенно распространен дзен-буддизм, в недавние годы особо популярный среди битников; действует также японская буддистская секта «Сока Гаккай». Из сект индустского происхождения необходимо отметить, так называемую «Миссию божественного света» во главе с гуру по имени Махараджи Джи, а также секту, возглавляемую гуру Муктанада Параманханса Баба.

Помимо сект и общин, в той или иной мере имеющих общее происхождение, а также некоторые элементы доктрины и религиозно-культовой фразеологии с традиционными религиями, существуют общины и их объединения, поклоняющиеся не «благим» сверхъестественным силам, а злему демоническому началу — Сатане и его воинству. В культах этого направления преобладают приемы, с незапамятных времен известные как ведовство, колдовство с их обрядами «черной» и «белой» магии. Получили большое распространение не менее давние по своему происхождению и бытованию астрология и хиромантия, различные системы и приемы мантики. В книге приведены поразительные цифры, свидетельствующие о масштабе этих явлений в современном буржуазном мире.

Приведя относящийся к делу фактический материал, автор ставит ряд теоретических вопросов, освещение которых должно уяснить причины тех широких масштабов, которые приняло в настоящее время «богоискательство» в странах буржуазного Запада. С полным основанием он утверждает, что в основе этого явления лежит «само буржуазное общество, его язы и пороки, господствующее в нем социальное неравенство, бесперспективность бытия, столь характерная для его различных слоев» (с. 41). Верно и то, что эти обстоятельства питают не только распространение новых культур, но и живучесть старых. Следует, однако, отметить наличие в авторском тексте некоторых недостаточных ясных и небесспорных положений по данному вопросу.

Так, автор пишет: «История Соединенных Штатов — это непрерывная цепь кризисов, разочарований и ожесточений. Им всегда сопутствовало скольжение в сторону религиозного „возрождения“, которое было призвано как бы компенсировать духовные издержки общества, порождаемые его прогрессом в области материального благополучия» (с. 42). Непонятно, почему прогресс в области материального благополучия должен был порождать какие-то «духовные издержки». И откуда было взяться указанному прогрессу в обстановке «непрерывной цепи кризисов»? Но вряд ли правильно представлять себе историю США по схеме непрерывного упадка. Другое дело — тот тяжелый кризис, который на протяжении ряда лет испытывает американское общество в наше время. Моральная атмосфера, обусловленная кризисами, могла бы содействовать укреплению традиционной религиозности, но последняя-то в значительной степени

и скомпрометирована несоответствием ее догматики современной картине мира и собственной социальной практикой, направленной на оправдание и закрепление существующего порядка вещей. Неудивительно, что люди, в особенности молодежь, устремляются на поиски новых путей и становятся жертвами «пророков», указывающих эти мнимо спасительные пути. В общем, однако, автор делает правильный вывод, характеризующий социальную основу движения «новых культов»: «выбитые из общественной колеи люди составляют основную массу их последователей», надеясь обрести «сиюминутное избавление от мучающих их кошмаров» или «коренное преобразование общества на принципах нового религиозного учения» (с. 50). Но, правильно комментирует автор данный тезис, «эта дорога, как овидетельствует история, ведет в никуда. Религиозные культы возникают, развиваются и исчезают... Но проходит некоторое время, и они все же исчезают, поглощенные водоворотом событий, погребенные под несбывшимися надеждами своих приверженцев, чтобы уступить место новым „откровениям“ и новым „дророкам“. Многие нетрадиционные культы, и религиозные течения, играющие ныне определенную роль в духовной жизни американского общества, не являются в этом отношении исключением из общего правила» (там же). Вряд ли автор хотел этим сказать, что общим правилом является быстрое исчезновение всех возникающих религиозных конфессий, ибо такое «правило» опровергается фактом устойчивого существования традиционных религий на протяжении тысяч лет, но некоторая небрежность самого изложения побуждает истолковать сказанное именно в смысле этого несуществующего «общего правила». Что же касается современных религиозных новообразований, то автор прав в отношении их недолговечности.

Большое внимание в рецензируемой книге уделено распространенным среди негритянского населения Америки синкретическим афро-американским культам. Нельзя, однако, здесь не отметить наличия в тексте некоторых неточных положений. По его смыслу можно понять, что чуть ли не все негры в разных странах Америки привержены к афро-американским культам. Автор пишет: «У американских негров есть свои боги, свои культы, отличные от богов и культов белого населения» (с. 123). И уже отсюда вытекает вопрос: «Почему же негры питают такое недоверие к традиционному христианству?» (там же). Между тем большинство негритянского населения, например, в США включает в себя последователей именно традиционного христианства, в частности баптизма. Это обстоятельство тем более существенно, что и приверженцы синкретических афро-азиатских культов вовсе не порывают связи, например, с католицизмом; во всяком случае, в их святилищах мирно уживаются иконы Богородицы и распятия с фетишами совершенно африканского происхождения. Кстати сказать, автор и сам отмечает это обстоятельство (с. 252). Поскольку это так, то делается несколько беспредметной ссылка на то, что христианство скомпрометировано в глазах негров поддержкой, которую оказывала католическая церковь в свое время институту рабства (с. 253—254, 268).

Отмечая сильные стороны рецензируемого издания, его насыщенность материалом, точность и тонкость анализа, хорошую литературную форму, приходится в то же время указать и на наличие в нем некоторых погрешностей редакционного порядка. Местами в тексте, видимо, произведены сокращения, сделавшие его смысл недостаточным понятным. Вот, например, рассказывается о «религии ЛСД» и исповедуемом ее приверженцами «психоделизме». Сообщается, что «своим происхождением слово „психоделизм“ обязано основоположнику „религии ЛСД“ американскому психологу Тимоти Лири» (с. 59). Ждешь, что тут же будет объяснено значение и ЛСД и психоделизма. Но никакого объяснения нет, дело ограничивается разговорами о «психоделических средствах» и «психологических ощущениях», которыми оперирует все та же таинственная ЛСД. Можно указать в этой связи и на невразумительно составленную таблицу, приводимую на с. 137.

В общем же, учитывая познавательную и идеологическую ценность книги И. Р. Григулевича, можно с уверенностью сказать, что советский читатель отнесется к ней с вниманием и интересом.

И. А. Кривелев

НАРОДЫ СССР

Е. Н. Данилова. Абазины (историко-этнографическое исследование хозяйства и общественной организации. XIX в.). М.: Изд-во МГУ, 1984, 145 с.

Проблема сельской общины — одна из наиболее сложных и до сих пор все-таки недостаточно исследованных в отечественной историографии. Об этом свидетельствует, в частности, недавно прошедшая на страницах журнала «Советская этнография» дискуссия, раскрывшая значение сельской общины как регулятора крестьянской жизни, хранителя традиций¹. Монография Е. Н. Даниловой затрагивает эти важные вопросы,

¹ Громыко М. М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций. — Сов. этнография, 1984, № 5. См. также дискуссию по этой проблеме: Сов. этнография, 1984, № 6; 1985, № 1, 2.